

ревью

гастроль

Когда танцовщики спускаются на землю, они едят рис из рук Матери Терезы Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

Бежар решил поститься

ОЛЬГА ГЕРДТ

В концертном зале «Россия» новая труппа Мориса Бежара «Compagnie M» показала спектакль «Мать Тереза и дети мира». Детей изображали выпускники бежаровской школы «Рудра» — юноши и девушки от 16 до 18 лет. Мать Терезу — легендарная танцовщица, в прошлом прима-балерина штутгартского балета, 65-летняя Марсия Хайде.

Если бы существовала премия за «самый целомудренный спектакль сезона», ее следовало бы дать Морису Бежару за балет «Мать Тереза и дети мира». В нем нет ни секса, ни насилия, а люди делаются на хороших и очень хороших, на оглашенных и посвященных. Бесконечная проповедь любви и терпения транслируется полтора часа средствами всех искусств, которым обучают в бежаровской школе «Рудра»: из ее прошлогоднего выпуска и была составлена «Компани М». Чернокожий парень щеголяет мускулами, дредами и превосходным оперным вокалом. Шестнадцатилетняя малышка, серьезная и сексуальная, как Жюльетт Бинош, — феерической растяжкой и стальными пуантами.

Одни отлично мимируют, дикция других так хороша, что их и без микрофона слышно на галерке. Возглавляет армию вчерашних школьников 65-летняя Марсия Хайде — Мать Тереза по роли, балетный педагог по функции, наставница по возрасту и призванию. Она появляется с тряпкой в руке, долго трет ступени деревянной лестницы, потом спускается к уже «очистившимся» после дыхательной гимнастики детям: обнимает, ласкает, берет на руки. Дети тоже носят Марсию-Терезу на руках, а когда она снова принимается драить полы, в едином порыве срывают свои белоснежные майки и тоже моют сцену.

Бежар стал если не набожным, то точно сентиментальным. Один за другим он сочиняет спектакли в духе безумных дневников Вацлава Нижинского (вспомните хотя бы поставленные в его основной труппе «Метаморфозы» с бегавшими по сцене в противогазах танцовщиками). Те же темы, те же мотивы, та же проповедь вегетарианства духовного и физического. Нет — войне, богатству и мегаполисам. Да — миру, природе и благочестивой бедности. «Мой дом — дом бедняков, я хочу остаться на улице с бедняками», — провозглашает Мать Тереза и, призывая

слушать ритм жизни, игры и любви, окружает себя танцовщиками, как педагог в балетном классе. Балетный экзерсис уподобляется утренней молитве, сам танцовщик — медиуму, посреднику между Богом и людьми. «Танец — это религия», — провозглашает Марсия Хайде и тянет по сцене кусок синей ткани — напоминание то ли о бело-голубом сари матери Терезы, то ли о последнем выступлении Нижинского (уже больной, он, через танец соединившийся с Богом, выстилал на сцене лоскутный крест). Дети поднимают Марсию на руки. Синяя ткань трепещет над сценой, как крылья.

Но поскольку спектакль «Нижинский — клоун Божий» у Бежара в прошлом, а Мать Тереза все-таки женщина, в сознании хореографа всплывает еще одна параллель. И тоже из серии любимых. Цитаты из «Айседоры» сознательно вкраплены в спектакль: вот она играет с детьми, жонглируя мячиками; вот под «Похоронный марш» метет распушенными волбсами сцену и неистово ползет на коленях к «смерти, которой нет». Удивляться, что общего между язычницей, проповедницей и безумцем, не стоит. Бежар из тех революционно настроенных шестидесятников, что видели Христа в беретке

Че Гевары, левым сочувствовали как «справедливым», а социальную революцию производили из сексуальной. Во всяком случае и «Болеро», и «Жар-птица», и десятки других балетов Бежара — об этом.

Теперь маэстро уже не может поставить для молодых что-то новое. Но ищет способ, как завещать все лучшее и старое. Как наставление, завет и эстетический курс. Его трепетное отношение к милашкам, которые так трогательно хлопочут лицами, изображая то решимость и просветление, то бунт и отчаяние, очевидно. Через них он и призывает к бунтарству и очищению одновременно. Что неожиданно сближает позднего Бежара с ранним Эйфманом, от избытка чувств сочинявшего что-то возвышенное в стиле рок. Единственное, что Бежара от Эйфмана выгодно отличает, — так это то, что он цитирует преимущественно самого себя. И еще — трогательный возрастной наив, за который все ему и прощается. Даже спектакль, который трудно вписать в историк, но можно зачесть его выпускникам. Экзамен, причем по нескольким дисциплинам сразу — от уроков Закона Божьего до сценической речи и истории балета, — они сдали.